

Джон Ст. Милль

Подчиненность женщины

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Д42

Д42 **Джон Ст. Милль**
Подчиненность женщины / Джон Ст. Милль – М.: Книга по Требованию,
2015. – 346 с.

ISBN 978-5-518-10960-5

С приложением писем О. Конта к Миллю по женскому вопросу и речи Я. Брайта, произнесенной в Эдинбурге, 16 февраля 1870г., о даровании избирательных прав женщинам.

ISBN 978-5-518-10960-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

мой собственностью—женщину, надъ которой законъ и обычай поставили его безконтрольнымъ, безапелляціоннымъ властелиномъ. Ни одинъ вопросъ не колеблетъ такъ глубоко вѣками освященныхъ основъ общественнаго быта. Контъ называетъ его «однимъ изъ основныхъ соціологическихъ вопросовъ, вопросомъ о главномъ элементарномъ основаніи всякой общественной іерархіи». Такъ называемый женскій вопросъ есть вопросъ о правоспособности и освобожденіи цѣлой половины человечества, и, слѣдовательно, вопросъ о разумномъ устройствѣ жизни всего человечества.

Миль жалуется на трудность бороться съ укоренившимися предрассудками, которые не уступаютъ логическимъ доводамъ. Эта трудность оказывается еще ббльшею у насъ, такъ какъ у насъ даже почти не существуетъ общества, въ томъ ~~смыслѣ~~ какъ понимаютъ въ западной Европѣ это слово, т. е. въ смыслѣ самостоятельной силы съ признаннымъ вліяніемъ. У насъ существуютъ лишь разные круги, болѣе или менѣе замкнутые. Въ Англии, день, въ который общество убѣдится въ несправедливости и безнравственности законовъ, лишаящихъ цѣлую половину человечества всего того, чѣмъ

дорога жизнь, будетъ днемъ уничтоженія этихъ законовъ. Наши отдѣльные кружки могутъ поголовно убѣдиться въ несправедливости и безнравственности порабощенія женщинъ, — и все-таки день ея освобожденія будетъ далекъ. Но до дня этого также далеко у насъ, какъ и вездѣ. Общество вѣками привыкло видѣть изъ женщинъ помощницу и подругу мужчины, мать, т. е. болѣе или менѣе смышленную няньку и гувернантку, потому что мать-воспитательница недостижимый идеалъ при настоящемъ положеніи женщины; а главное оно привыкло видѣть въ ней нисшее существо, безъ всякихъ правъ на самостоятельное существованіе, обреченное всю жизнь, какъ дочь, какъ жена, быть собственностью другаго. Правда, духъ времени сдѣлалъ свое дѣло и многіе властелины женщинъ хотя крѣпко стоятъ за ея порабощеніе въ теоріи, на практикѣ держатся принциповъ Милля. Но есть и не въ однихъ заплесневѣлыхъ уголкахъ, которыми обильно отечество наше, еще много семей, гдѣ глава въ отношеніи женъ и дочерей слѣдуетъ принципу Катъ Китыча: «мое дѣтище моя кровь, хочу съ кашей ѣмъ, хочу съ щами хлебаю» и требуетъ, чтобы жена понимала, чего его са-

погь хочеть. А сверхъ этого взгляда, въ той части общества, которую на иностранныхъ языкахъ зовутъ почему то міромъ (*monde, welt, world*), а у насъ *свѣтомъ* большимъ и малымъ, существуетъ еще и другой взглядъ на женщину, который видитъ въ ней одалиску баловъ и гостиныхъ. Идеаль этой женщины сложился подъ вліяніемъ французскаго двора и по немъ образовывали нашихъ теремныхъ затворницъ. Малый свѣтъ раболѣпно перенялъ его отъ большаго. Женщина, для того чтобы отличиться въ этомъ свѣтѣ должна руководиться извѣстнымъ ироническимъ совѣтомъ, даннымъ г-жею Сталь дочери, маменька которой съ прискорбіемъ жаловалась, что она, несмотря на недюженный умъ и замѣчательную красоту, не имѣла въ обществѣ успѣха, который имѣли ея недальнія и недурненькія подружки. «*Cachez votre esprit et découvrez vos épaules*» гласилъ какъ нельзя болѣе практически совѣтъ. О взглядахъ этой части общества не стоило бы говорить, если бы члены ея, по своему положенію въ общественной іерархіи, не имѣли сильнаго вліянія на ходъ женскаго вопроса у насъ. Но если вообще враждебное вліяніе господъ, для которыхъ женщина должна *cachez son esprit et découvrir ses épaules*, ока-

жется безсильнымъ, чтобы задавить вопросъ въ его будущемъ, за то для женщинъ, которыя въ настоящую минуту добиваются своихъ правъ на науку, самостоятельность, это вліяніе можетъ положить преграду къ достиженію этихъ правъ на долгое время и даже на всю жизнь.

Общество, т. е. мужчины, обрекая женщинъ на вѣчную зависимость и подчиненность, выработало свой идеаль женщины. Изъ купленной или захваченной силою рабы, оно сдѣлало добровольную невольницу, которая повиновалась бы не изъ чувства страха, а изъ сознанія долга и любви. Законы всегда скрѣпляли то, что было укоренено обычаемъ; религія, которая въ свою очередь была отраженіемъ міросозерцанія народа, освящала то, что было скрѣплено закономъ. Такъ, въ древніе вѣка, когда отецъ и мужъ могъ торговать дочерью и женой, въ числѣ священныхъ обрядовъ была торговля женщинами въ храмахъ. Такъ, духовная власть первыхъ папъ освятила языческіе законы о подчиненности женщинъ римлянъ имперіи. Покорность, безотвѣтная всевыносящая преданность и нѣжность стали проповѣдываться какъ первыя женскія добродѣтели. Высшимъ достоинствомъ жен-

щины была вѣрность; полюбивъ разъ, она должна была любить всю жизнь, любить, несмотря ни на что. Надо сознаться, что идеаль былъ придуманъ очень ловко. Отъ мужчины, для того чтобы сохранить эту любовь и самоотверженную преданность, не требовалось никакихъ стараній, никакой нравственной обязанности. Мужъ могъ быть пошлякомъ, негодяемъ, и жена была обязана любить его. Эта обязанность снимала съ мужчинъ всякую заботу о собственномъ развитіи, всякое тревожное раздумье о томъ — стоитъ ли онъ любви. Эта любовь была его неотъемлемой собственностью. И женщины вѣрили въ простотѣ души въ этотъ идеаль добровольной рабы. Воспитаніе, религія, ихъ собственная выгода и естественная потребность любви и счастья все подкупало ихъ къ этой вѣрѣ. Онѣ считали себя погибшими существами, когда сознавали себя хотя невольными измѣнницами ему. Жена cadaго пошляка, cadaго подлеца съ ужасомъ встрѣчала сознаніе, что ей невозможно любить мужа, и считала долгомъ своимъ натягивать на себя умершее чувство. Съ измѣной ему для нея закрывалась жизнь. Горе той женщинѣ, которая захотѣла бы отказать мужу въ любви, сбросить

невыносимое иго. Онъ можетъ мстить ей общественнымъ позоромъ; въ Англии онъ можетъ на травить на не полисменовъ, во Франціи вернуть къ себѣ жандармами, и, во имя закона, подвернуть ее постыдному поруганію; онъ можетъ у насъ вернуть ее по этапу, вмѣстѣ съ преступниками, что дѣлалось еще на памяти нашихъ маме-некъ. Но ничто живое не подчиняется насилію бсзъ протеста. Задавленные силы женщины прорывались, но не разумной борьбой, не стремленіемъ къ здоровой жизни, а мелочнымъ озлобленнымъ сопротивленіемъ, или вспышками дикой мести. Женщины, какъ болѣе слабыя и робкія существа менѣе способны къ нарушенію законовъ, а тѣмъ менѣе къ насилію. Число убійць женщинъ гораздо менѣе числа убійць мужчинъ, а, несмотря на то, число женщинъ, убившихъ мужей, гораздо болѣе, чѣмъ число мужей убившихъ женъ. Этотъ фактъ встрѣчается въ статистикахъ преступленій всѣхъ европейскихъ государствъ съ замѣчательнымъ постоянствомъ; онъ не нуждается ни въ какихъ комментаріяхъ и, какъ нельзя болѣе краснорѣчиво, говоритъ о необходимости коренной реформы въ положеніи женщинъ.

Литература, наша въ своихъ разнообразныхъ органахъ, съ нѣкотораго времени, относится къ женскому вопросу весьма сочувственно. Лучшіе представители русской мысли были постоянно горячими проповѣдниками идей свободы и равноправности женщинъ. Женскій вопросъ былъ поднятъ «Современникомъ», по случаю чего одинъ тощій и убогій скончавшійся журналцеъ, возникшій въ то время когда лучшіе голоса литературы принуждены были замолкнуть, заявилъ, что этотъ вопросъ уже потому одному не можетъ считаться вызваннымъ потребностью жизни, что поднятъ и защищается неблагонамѣренными людьми, и подхваченъ обществомъ ради моды, которая пройдетъ вслѣдъ за закрытіемъ неблагонамѣренныхъ журналовъ. Теперь, когда на мигъ умолкнувшая русская мысль начинаетъ обращаться къ изслѣдованію насущныхъ потребностей жизни, другой журналъ, наслѣдовавшій отчасти традиціи убогаго журнальца, въ свою очередь обзываетъ женскій вопросъ модой, явленіемъ отчасти привознымъ, отчасти присочиненнымъ, завезеннымъ иностранными книжками и присочиненнымъ петербургскими сочинителями. Стремленіе женщинъ къ свободѣ,

къ равному участию въ наукѣ, въ общественныхъ дѣлахъ, онъ считаетъ навожденіемъ лукаваго духа властолюбиваго Запада, утратившаго нравственный идеаль женщины, который можетъ дать только русская натура, чуждая всякаго властолюбія, нетребующая никакихъ правъ, и непоколебимо вѣрная духу «могучаго смиренія» воспѣваемаго въ томъ-же журналѣ. Не поздоровится отъ этакихъ похвалъ русской натурѣ, и если-бы «могучее смиреніе» было неотъемлемымъ, на вѣки привитымъ свойствомъ русской природы, а не несчастнымъ свойствомъ, развившимся подъ влияніемъ невыгодныхъ условій, въ которыя она была поставлена, то ни у кого изъ защитниковъ женскаго вопроса не поднялась-бы рука на такое безнадежное дѣло, какъ пропаганда идей властолюбиваго Запада обществу, обреченному коснѣть въ могучемъ смиреніи. Далѣе, этотъ журналъ сравниваетъ доводы о способности и правѣ женщинъ на общественную дѣятельность съ дѣлежомъ шкуры медвѣдя, который еще не убитъ. Но на охоту за медвѣдемъ идутъ охотники равной силы, которые сѣмѣютъ отстоять себѣ свою долю шкуры, и если-бы на медвѣдя пошла баба съ мужиками, то она, наученная опытомъ своей жиз-

ни, навѣрное, выговорила бы себѣ заранѣе свою долю шкуры въ уплату за свое участіе въ охотѣ. Слѣдовательно въ этомъ сравненіи была бы доля правды, если бы петербургскіе сочинители принимали на практикѣ какія-нибудь мѣры къ дѣлежу; но всѣ ихъ «сочиненія» не выходятъ изъ области теоріи, а для разъясненія каждаго вопроса — тѣмъ болѣе вопроса, имѣющаго такое неизмѣримо-важное вліяніе на судьбу человѣчества — необходимо обсудить все, что было высказано о немъ лучшими мыслителями. Обществу, прежде чѣмъ приняться за осуществленіе на практикѣ вопроса, необходимо разъяснить его со всѣхъ сторонъ въ теоріи. Невыясненность этого вопроса въ сознаніи общества была уже однажды причиной, что, когда медвѣдь былъ убитъ, въ 1792 г., сильные захватили себѣ всю шкуру, и когда женщины пришли заявить о своихъ правахъ на долю, то ихъ, съ приличнымъ нравоученіемъ оспорили ихъ требованій, отпустили домой. А между тѣмъ, для нихъ доля шкуры была столько же и даже болѣе необходима. «Для слабыхъ», сказалъ Брайтъ въ своей рѣчи о допущеніи женщинъ въ парламентъ: «несравненно важнѣе существованіе справедливыхъ законовъ,

чѣмъ для сильныхъ». Когда человекъ давятъ въ тискахъ, бьютъ, то онъ самъ собой, безъ всякихъ постороннихъ указаній, почувствуетъ боль тисковъ и ударовъ. Никакихъ идей лукаваго Запада не нужно для того, чтобы женщина, задыхающаяся подъ гнетомъ деспотизма, чувствовала себя несчастной. Не идеи лукаваго Запада заставляютъ крестьянокъ нашихъ бродяжничать и уходить въ раскольничьи скиты или ссылку, какъ непомнящихъ родства, а потребность уйти отъ постылой жизни, отъ тяжелой неволи. Въ архивахъ судовъ и отчетахъ судебныхъ слѣдователей можно найти множество подобныхъ примѣровъ.

Противъ допущенія женщинъ къ научной и общественной дѣятельности приводятъ доводы объ ихъ неспособности къ логическому мышленію, объ ихъ слабѣйшей физической организаціи, обусловливающей и умственную и нравственную слабость. Но всѣ эти доводы доказываютъ только собственный недостатокъ логики мужчинъ. Чуть дѣло дойдетъ до вопроса о правахъ женщины, то люди самыхъ противоположныхъ взглядовъ выказываютъ одинаковую непоследовательность и изумительное согласіе въ гоненіи идеи свободы и равноправности жен-